DOI: 10.31860/978-5-918680-384-196-223

# И. А. ГРИНЕВСКАЯ
# ПУТЕШЕСТВИЕ В КРАЯ СОЛНЦА
# (О ВИДЕННОМ, СЛЫШАННОМ И ИСПЫТАННОМ)

(Продолжение)

*(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. А. Митник)*

*Аннотация:* Данная публикация — продолжение очерковой книги И. А. Гриневской (1864—1944) «Путешествие в Края Солнца» <1911—1919>.[1] Это своеобразные путевые заметки о Турции, Греции, Египте и Палестине, где она познакомилась с бахаи — носителями идей ее поэм «Баб» и «Беха-Улла». В главах XIV—XVI описываются встречи писательницы с Абдул-Баха, ее поездка в Каир и впечатления о «виденном, слышанном и испытанном».

*Ключевые слова:* И. А. Гриневская, путешествие на Восток; Вера Бахаи, религиозно-философские поэмы И. Гриневской «Баб» и «Беха-Улла»; встречи с Абдул-Беха (Абдул-Баха); «мужчина и женщина на Востоке и у нас в России».

*Abstract*: This publication is a continuation of the essay book by I. A. Grinevskaya (1864—1944) *Journey to the Lands of the Sun* <1911—1919>. This is a kind of travel notes about Turkey, Greece, Egypt and Palestine, where she met the Bahá'ís — bearers of the ideas of her poems *Báb* and *Bahá'u'lláh*. Chapters XIV—XVI describe the writer's meetings with 'Abdu'l-Bahá, her trip to Cairo, and her impressions of «seen, heard and tested». In the introductory article and in the comments to the essay, excerpts from other archival documents are also made public for the first time.

*Keywords:* I. A. Grinevskaya, journey to the East; Bahá'í Faith, religious and philosophical poems by I. Grinevskaya *Báb* and *Bahá'u'lláh*; meetings with 'Abdu'l-Bahá; «a man and a woman in the East and here in Russia».

[1] Ранее мы предполагали, что над этим сочинением писательница закончила работу в 1914 г., однако удалось уточнить год: «У меня осталось на руках много ненапечатанных и законченных произведений <...> и "Путешествие на Восток" («Путешествие в Края Солнца». — *Е. М.*), куда я ездила по приглашению ныне покойного Абдул-Беха, главы бехаидов, мудреца. Это путешествие займет книгу в 550 страниц, если не более. Сообщаю об этом, чтобы в случае моей смерти литературный мир знал о существовании такой рукописи. "Путешествие" это было закончено в 1919 году, хотя моя поездка на Восток была совершена в декабре 1910 г. Вернувшись, я едва могла разобрать небольшую часть материалов, ибо я в <19>12 году была вызвана в Париж переводчицей моей поэмы "Баб" г<о-спо>жой Гальперин, и только по возвращении я могла отдаться этому труду. Печатанию его помешали война и прочие события <...>» (РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 57, л. 42—43).


© Митник Е. А., 2023

Мы продолжаем знакомить читателей с очерковой книгой И. А. Гриневской (1864—1944) «Путешествие в Края Солнца» <1911—1919> (главы XIV—XVI). Во вступительной статье и в комментариях к ее сочинению обнародованы также ранее не публиковавшиеся выдержки из других архивных документов.

Быть может, у нас особое отношение к этому автору религиозно-философских произведений — бесстрашной женщине, отправившейся в 1910 г. на Восток? Вот мнение другого исследователя: «И. А. Гриневская представляет собой интересный тип пишущей туристки, которая в своем путешествии выступает еще и в роли паломницы бехаи. Туристический настрой преобладает над паломническим, а стремление к религиозно-философским рассуждениям — над религиозными настроениями, и сам выбор религии бехаидов вполне органичен для пространства культуры Серебряного века. В творчестве Гриневской можно наблюдать ориентализм в самом различном понимании этого термина. Во-первых, это увлечение Востоком и его романтизация, причем предметом для увлечения является “классический” персидский Восток. Однако писательницу привлекают не картины “Тысяча и одной ночи”, а молодое религиозно-общественное движение, которое проповедует объединение религий и единение человечества. Более того, Гриневская в тексте своих очерков борется с ложными представлениями о Востоке, возникшими на основании классических ориенталистских картин и описаний. Такой поворот отношения к Персии необычайно интересен и представляет собой своеобразное развитие линии классического ориентализма в соответствии с общими духовными поисками Серебряного века».[2]

Итак, писательница продолжает свое повествование «об удивительной личности» Абдул-Баха, которого Бахаулла назначил главой Веры Бахаи и единственным полномочным толкователем ее Святых Писаний, призывавшим всех и каждого «направить помыслы своего сердца на достижение любви и согласия». «Когда приходит мысль о войне, противопоставьте ей мысль о мире. Мысль о ненависти должна быть побеждена более могущественной мыслью о любви. Помыслы о войне разрушают всякую гармонию, благосостояние, спокойствие и радость». «Смотрите всегда на хорошее, а не на дурное. Если у человека есть десять хороших качеств и одно плохое, нужно сосредоточиться на десяти и забыть одно; а если у человека десять плохих качеств и одно хорошее, то надо видеть это одно и забыть о десяти».[3]

И. Гриневская сообщает, что Абдул-Баха «побывал в Лондоне, Париже, Нью-Йорке и других городах Европы и Америки, и везде он

---

[2] *Чач Елена Андреевна*. Ориентализм в общественном и художественном сознании Серебряного века: автореф. дис. ... канд. ист. наук / СПбГУ. СПб., 2012. С. 21.

[3] Абдул-Баха. Цит. по: Раскрывая наше духовное предназначение... СПб.: Единение, 2002. С. 173.

привлекал тысячами слушателей и обращал на себя внимание выдающихся лиц, светских и духовных». Вот что пишет ее спутник по поездке на Восток М. А. Мамедханлы (Нахджавани): «Дорогая Изабелла Аркадьевна! Вот уже 2-й день, как, слава Богу, Абдул-Беха вернулся опять в Нью-Йорк из путешествия по Калифорнии, сегодня только он мне разрешил отправиться в Россию, поэтому я 26 ноября отправляюсь в Берлин, оттуда желаю приехать к Вам в Петербург, но, боюсь, родные дома в Баку скажут: после такого несчастья, как потери жены и дочери, он домой раньше не приедет, а поехал в Петербург; поэтому колеблюсь, до Берлина обдумаю и напишу Вам оттуда о своем решении. Вашу книгу[4] <...> я не мог найти свободное время, чтобы читать для Абдул-Беха, но пересказал настолько, насколько мог, и попросил его сказать во время проповеди о Вашей книге несколько слов, он обещал это сделать в Лондоне или в Париже и велел мне сказать Вам об этом, чтобы Вы были покойны, что это будет сказано. <...> Сам Абдул-Беха отсюда на днях уедет в Лондон, Париж, Берлин, Вену и, кажется, если будет удобно, в Константинополь. О виденном и слышанном невозможно написать, надеюсь, увидимся и напишем вместе с Вами несколько рассказов об Абдул-Беха в Америке для меня».[5] В другом письме к Изабелле Аркадьевне Мирза Алекпер отмечает: «Слава <Богу>, Абдул-Беха здоров, а также все его семейство, все Вам кланялись. <...> Все проповеди Абдул-Беха в Европе и Америке изданы на всех европейских языках, народы после войны, может быть, только поймут, о чем Он говорил. Это всегда так бывает, когда человек здоров, советов доктора никогда не слушается, а когда заболеет, только тогда начинает слушаться».[6]

В главе XV Изабелла Гриневская задала нам очередную загадку, посетовав, что не знает языка «ученых мореплавателей» — английского. И далее она пишет: «...но с нами идет также 14-летний мальчик Фоузи, племянник Абдул-Беха. Мать его находится в Хайфе, и здесь о нем заботится миссис Стенар.[7] Она его уже воспитывает несколько

[4] Видимо, речь идет о поэме-трагедии в стихах «Беха-Улла».

[5] РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 785, л. 1—2 (нояб. 1912 г., Нью-Йорк).

[6] Там же, л. 87 (<1913>, Баку).

[7] Вероятно, речь идет о *Станнард Джин Е.* (Stannard Jean E.; 1865—1944) — английской бахаи (Гриневская упоминает о ней как об «американке-бехаидке»). По сведениям, любезно предоставленным Яном Яшоном, в Египте она жила в 1908 г., в Индии — с 1914 г. (несколько раз путешествовала в Индию), с Абдул-Баха встречалась в предместье Лондона 29 сент. 1911 г. и в Париже; г-жа Станнард участвовала во Всемирном конгрессе рас (июль 1911 г., Лондон). Она перевела «Сокровенные Слова» Бахауллы на английский язык (1921 г., Каир). В 1925—1928 гг. возглавляла Международный офис бахаи в Женеве (подробнее см.: *Jasion Jan Teofil*. 'Abdu'l-Bahá in the West: A Biographical Guide of the People Associated with His Travels. Paris: Librairie Bahá'íe, 2012). Из повествования И. Гриневской следует, что г-жа Стенар (Станнард) с Абдул-Баха познакомилась еще до его поездки на Запад.

лет. Фоузи говорит, к счастию, и по-французски и по-английски, и явился очень кстати драгоманом между нами» (между Гриневской и «учителем бехаидской школы»). И позже писательница добавит, что, «кроме goodbye (прощайте)», не знает «ни слова по-английски».

У нас даже возникла дружеская полемика по электронной почте с Яном Яашоном[8] относительно того, какими языками владела наша загадочная Изабелла Гриневская. Он считает, что ее «языковые способности странным образом связаны и задокументированы» («Grinevskaia's language abilities are strangely related and documented»); «домашние языки»: немецкий (первый перевод — 1898 г.) и польский (первый перевод — 1892 г.); в школе — русский; «от братьев Гуден» — французский (первый перевод — 1897 г.); итальянский (первый перевод — 1892 г.); английский (первый перевод — 1904 г.); армянский (первый перевод — 1905 г.); грузинский (первый перевод — 1904 г.). И далее Я. Яашон аргументирует: «Ее грузинский язык был на том уровне, что она не только переводила, но и читала лекции по грузинской литературе». Словом, он сомневается в том, что писательница не владела английским.

Однако нам известно, что И. Гриневская работала и с подстрочниками. Так, Ю. А. Веселовский (1872—1919), знаток и популяризатор культуры армянского народа, ей пишет: «У меня и у армянского поэта С. Шах-Азиза[9] явилась мысль выпустить вторым изданием мою книгу "Армянский поэт С. Шах-Азиз" <...> с приложением стихотворных переводов <...>. Я присылаю Вам <...> дословный и, конечно, нескладный перевод двух стихотворений поэта и очень прошу, зная Вашу всегдашнюю любезность, перевести эти две вещи стихами, пользуясь подстрочным переводом! <...> Размер армянских стихов силлабический, вроде французского и польского, я лично передаю его по-русски <...> или анапестом».[10]

Полагаем, что переводчице незачем было скрывать знание английского языка — скорее всего, она не владела им (во всяком случае, тогда). Что касается сонетов Шекспира и Байрона, переведенных И. Гриневской, то в начале 1900-х она вполне могла прибегать и к подстрочникам. В ее архиве (ф. 55) хранятся подготовительные материалы к переводам: тексты на английском, немецком, французском языках; с немецкого языка: переводы из Гейне, Гете, Буддо[11] и др.; с французского языка: переводы из Метерлинка, Гюго и др.; два

[8] Как уже сообщалось, *Яашон Ян Теофил* (Jasion Jan Teofil; род. 1945) — французский исследователь польского происхождения. Готовится к печати его книга «Presenting Izabella Arkadevna Grinevskaia, author of the play "The Báb"» («Представляем Изабеллу Аркадьевну Гриневскую, автора пьесы "Баб"»).

[9] *Шахазиз Смбат Симонович* (1841—1907/1908) — армянский поэт и педагог.

[10] Переписка Ю. Веселовского с И. Гриневской / публ. С. Ахумяна // Литературные связи: исследования и материалы. Ереван: ЕГУ, 1973. Т. 1: Русско-армянские литературные связи. С. 250—251.

[11] *О Буддо* сведения не найдены.

стихотворения, переведенные на французский язык; с польского языка: переводы из Балуцкого, Рыделя, Асныка, Конопницкой[12] и др.; с итальянского языка: переводы из Петрарки, Кардуччи[13] и др.; с английского языка: переводы из Тагора, Шелли, Байрона и др.; с персидского и татарского языков: переводы из Гафиза, Сюнчелея[14] и др.; с армянского языка: переводы из Левона Григорянца[15] и Ширванзадэ[16] (совместно с Л. Григорянцем); переводы с грузинского языка; переводы с японского и китайского языков;[17] переводы с испанского языка, латыни (Катулл), датского, сербского и узбекского языков. Вот где непочатый край работы для исследователя...

Сагит Сунчелей (Сюнчелей) перевел на татарский язык одно из самых значимых произведений И. Гриневской: «...Сюнчелей выполнил перевод "Баба" с большим успехом. Этот молодой талантливый татарский поэт насчитывает за собой более десятка лет литературной деятельности. Кроме многочисленных оригинальных произведений он известен рядом своих талантливых переводов из русских и западноевропейских авторов. Так, например, его перу принадлежат переводы трагедии "Альманзор" Гейне, "Шильонского узника" Байрона, "Галуба" Пушкина. Сюнчелей владеет гладким и своеобразным стилем. Перевод "Баба" по техническому выполнению стоит на высоте задачи. Перевод этот не дословный, а вольный: переводчик внес в поэму некоторые изменения в тексте по личному согласию на то самого автора. Таким образом, этот стихотворный перевод можно даже считать за оригинальное произведение Сюнчелея, так много труда и любви

---

[12] *Балуцкий Михаил* (псевд. Элпидон) (Michał Bałucki) (1837—1901) — польский писатель, беллетрист, поэт, сатирик; *Рыдель Люцьян* (Rydel Lucjan; 1870—1918) — польский поэт и драматург; *Аснык Адам* (Asnyk Adam; 1838—1897) — польский литератор, поэт и драматург; *Конопницкая* (Konopnicka; урожд. Василовская) *Мария* (1842—1910) — польская писательница, поэт, литературный критик и публицист, автор произведений для детей и юношества.

[13] *Кардуччи Джозуэ* (Carducci Giosue; 1835—1907) — итальянский поэт и литературовед второй половины XIX в.

[14] *Сунчелей (Сюнчелей) Сагит Хамидуллович* (1889—1937) — татарский поэт, переводчик и общественный деятель начала XX в.; автор стихов, пьес, сказок, статей, пособий по музыке для детей. Его имя много лет находилось под запретом; в 40 лет он был репрессирован, приговорен сначала к расстрелу, затем к 10 годам заключения; поэту еще не было и 50, когда его расстреляли.

[15] *Григорянц Левон Артемович* (?—?) — нет сведений. В архиве И. Гриневской хранятся его письма (2) к писательнице (РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 498; 22 июля 1913 и б. д.). В московском архиве также есть письма Л. Григорянца к ней (РГАЛИ, ф. 125, оп. 1, № 158; 5 июля 1910 — 29 авг. 1912).

[16] *Ширванзаде* (наст. фам. *Мовсисян*) *Александр Минасович* (1858—1935) — армянский писатель, народный писатель Армении и Азербайджана (1930).

[17] См.: *Гриневская И. А.* Перевод «Рыбачьих песен из Осака». <1914> / материал подготовлен М. Ю. Кореневой // Россия. Запад. Восток: культурные связи: документы и материалы из собраний Пушкинского Дома: альбом. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 288; *Гриневская И. А.* «Из китайского». <1914?> // Там же. С. 289.

вложил он в него. Перевод сделан много лет тому назад, несколько раз проредактирован и, являясь вполне зрелым трудом, послужит ценным вкладом в татарскую литературу. Али Рахим Ф. Эмирхан. 22-го июля 1921 г.».[18]

А вот что написал в своем отзыве сам переводчик: «Это произведение глубокоуважаемой поэтессы Изаб<еллы> Аркад<ьевны> ГРИНЕВСКОЙ настолько завоевало симпатию нашей тюркско-татарской передовой интеллигенции и литераторов своим богатым содержанием и высокохудожественностью, что в <19>10-х годах ощутилась крайняя необходимость перевести поэму на татарский — самый распространенный тогда язык. <...>

Читал я свой перевод в среде наших ученых и писателей. Все высказывали восхищение книгой и придавали большое значение изданию ее. Всех нас волновало содержание книги, призывающей за раскрепощение женщины Востока от векового рабства, призывающей к борьбе с насилием над слабыми, бедными массами, к любви и братству. Поэма и теперь не потеряла своего значения и ценности. Я не нахожу слов, чтобы выразить автору "Баб" (и "Беха-Улла") <...> свое уважение, почтение и любовь за труды над своими поэмами. Не менее ценна и значительна другая поэма И<забеллы> Ар<адьевны> — "Беха-Улла", но перевести эту поэму мне не было суждено.

Я бы очень хотел, чтобы наши научные организации приняли живейшее участие в личной жизни глубокоуважаемой поэтессы, положившей столько труда на литературном поприще в течение десятков лет и посвятившей всю свою жизнь идеям братства, любви и свободы людей. Москва, Цекубу.[19] СЮНЧЕЛЕЙ. 17/IX-<19>26».[20]

Несколько лет назад мы попросили журналиста Шамиля Лотфулловича Фаттахова, живущего в Казани, найти информацию о Сагите Сунчелее (Сюнчелее) и его переводе поэмы «Баб». Шамиль поздравил всех нас с «ценной находкой» — перепиской И. Гриневской с известным татарским поэтом и переводчиком — и поговорил с Раисой Рашидовной Мусабековой (к. ф. н.), защитившей диссертацию на тему: «Сагит Сунчелей: Личность поэта и мотивы творчества» (2001). Среди источников ее исследования — неопубликованные стихотворения, письма, дневник С. Сунчелея, хранящиеся в фонде Национального музея Республики Татарстан (инв. № 1752), и архив И. Гриневской (РГАЛИ, ф. 125).[21] Р. Р. Мусабекова посоветовала обратиться к З. З. Рамееву (д. ф. н.), который работал непосредственно с рукописью С. Сун-

[18] Отзыв о драматической поэме «Баб» в переводе С. Сюнчелея // РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 13, л. 78.

[19] Центральная комиссия по улучшению быта ученых при Совете Народных Комиссаров РСФСР (ЦЕКУБУ). Петроград. Москва (1921—1931). Комиссия содействия ученым при Совете Народных Комиссаров СССР. Москва (1931—1937).

[20] РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 13, л. 76.

[21] Отрадно, что теперь свои изыскания исследователи могут продолжить и в фонде 55 Рукописного отдела Пушкинского Дома (единицы хранения архива

челея. Зуфар Зайниевич сообщил, что перевод пьесы «Баб» на татарский язык был сделан приблизительно в 1913 г., но не был опубликован; его рукопись хранится в вышеупомянутом музее.

«Путешествие в Края Солнца» печатается по машинописи с авторской правкой (РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 10). Текст очерка приводится в соответствии с современными нормами орфографии, с сохранением отдельных пунктуационных особенностей оригинала. Трудно читаемые слова, сокращения и предполагаемые пропуски восстановлены в угловых скобках. Приносим глубокую благодарность Ю. А. Иоаннесяну, О. К. Мехтиевой, С. Ю. Митнику, Р. Р. Мусабековой, З. З. Рамееву, Ш. Л. Фаттахову, Я. Т. Яашону (J. T. Jasion), сотрудникам Рукописного отдела Пушкинского Дома и общине бахаи — за всемерную помощь.

**И. А. Гриневская**

## Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном)

(Продолжение)

*Глава XIV*

Мои прогулки по Рамлэ со спутником. — Почему мы не могли долго отлучиться из отеля.[1] — Мое знакомство с американской бехаидкой у Абдул-Беха. — Как она узнала о бехаизме. — Абдул-Беха отпускает меня в Каир. — Канун отъезда моего в Каир. — Ханы у меня. — Рассказ старшего о том, как он стал бехаидом. — Как на моих глазах в этот вечер утвердился в бехаизме и младший брат. — Младший хан читает из Беха-Уллы: «Запутан, как в цепях, в твоих я волосах». — Мое душевное состояние в течение недели, проведенной в Рамлэ.

Я раньше рассказала, что мой спутник деликатно предостерег меня, чтобы я не уходила одна по городу. Отчасти я приняла его предостережение и осматривала городок в его сопровождении. Останавливалась перед всякой оградой, через которую свешивались апельсины и лиловые и красные цветы, заглядывала в сады сквозь решетки, в сады, полные роз... и это в декабре месяце, провожала всякого мальчишку на ослике, как будто я впервые вижу это смирное и терпеливое животное.

Мы не могли чересчур удаляться от отеля, ибо в каждую минуту мог явиться гонец от Абдул-Беха. Он вставал с зарей, занимался делами общины, до обеда. Остальное время он посвящал приемам, общению с последователями-бехаидами, которые жаждут его видеть как можно чаще и которые для этого приезжают из дальних стран. Он

---

И. А. Гриневской отражены в электронном каталоге; постоянная ссылка: URL: https://ro.pushkinskijdom.ru/stoks/64154 (дата обращения: 05.11.2023)).

разъясняет им их сомнения религиозного и житейского характера, напутствует их, поучает, благословляет. И все просто, близко, без разделяющей проповедника от паствы пышности, сопровождая подчас свои речи шуткой, но всегда изящно, красиво, мудро. Нередко вдохновенно, как говорят, в стихотворной форме.

Вот почему я вовсе не видела Александрии, ибо я ведь приехала к Абдул-Беха и не хотела пропустить ни единой возможности видеть и слышать этого нового вождя бехаидов и среду его последователей. Скажу здесь кстати, что за последнее время, после того как я побывала у него, этот проповедник мира и незлобия перенес свою проповедническую деятельность в Европу и Америку. Он побывал в Лондоне, Париже, Нью-Йорке и других городах Европы и Америки, и везде он привлекал тысячами слушателей и обращал на себя внимание выдающихся лиц, светских и духовных, разных религий.

Повторяю, я не могла совершать дальних прогулок даже и в Рамлэ, чтобы не лишать моего спутника лицезрения обожаемого им вождя.

Когда раз случилось, что в нашем отсутствии Абдул-Беха был в отеле — набожный Мирза Али Акбер даже заболел от огорчения. У него до того разболелась голова, что и этот терпеливец должен был лечь.

Но вот явился гонец и попросил нас к Абдул-Беха. Больной сразу выздоровел.

У вождя на этот раз были только мы и ханы.

Абдул-Беха предложил мне побывать в Каире. «Я бы не хотел, — сказал он отечески, — чтобы вы пропустили случай видеть этот интересный город Египта. Вас там будет ждать одна американка-бехаидка, говорящая по-французски, образованная дама. Кстати, вы получите возможность вдоволь наговориться с ней».

С этой американкой я тут же познакомилась, так как она приехала к Абдул-Беха по делам школы его имени в Каире, которою она заведовала и, кажется, была учредительницей ее.

Вошла дама еще довольно молодая, с умным, тонким и энергичным лицом. Типичная деловитая американка, привычная к путешествиям. Удобный, дорогой, но простой чечунчовый[2] костюм, удобные американские сапоги и, как я потом видела, шляпа с полями и вуалью — был ее костюм, шедший к ее решительному лицу, тонкой, сухощавой фигуре. Конечно, тут был и неизменный ридикюль,[3] в котором помещалось бесчисленное множество вещей.

В тех случаях, когда мы возим с собой сундуки и тюки, — американка или англичанка с таким ридикюлем может объехать полсвета, не нуждаясь ни в чем. Познакомившись с миссис Стенар, я тут же разговорилась с ней.

В то время как Абдул-Беха беседовал о чем-то с ханами, она рассказывала мне, как она пришла к охватившему весь ее дух учению. Это было на возвратном пути из Индии, где она изучала философию и религию индусов. Ее внимание привлек мавзолей над могилой Баба,

видневшийся с парохода.[4] Узнав о жизни этого персидского пророка и его учении, она осталась среди последователей Беха-Уллы и его сына Абдул-Беха, возродившего и окрылившего его учение.[5]

Теперь она, как я уже сказала, одна из главных деятельниц по устройству бехаидской школы в Каире. Она меня просила передать ей содержание моей драмы «Баб», которая живо ее интересует, и очень удивилась, что я написала трагедию «Беха-Улла». Она нашла, что написать трагедию из жизни Беха-Уллы — трудная, почти неодолимая задача. Баб более поддается драматизации, нежели Беха-Улла, который более всеобъемлющ. Также всеобъемлющ и Абдул-Беха, заметила она.

В этой беседе я, кажется, хорошо выдержала экзамен в глазах образованной, положительной, умной и дельной американки, глядевшей на меня своими пытливыми иссера-голубыми глазами.

В общей беседе она стала доказывать Абдул-Беха с апломбом женщины Запада, что надо было бы бехаидам участвовать в конгрессе рас, который предполагается в Лондоне и который, кстати, действительно состоялся.[6] Когда миссис Стенар вышла из комнаты, чтобы посетить женщин, все стали говорить о ней, но не так, как у нас говорят за спиной уходящего. «Душа ее светится в ее глазах», — говорили про нее, когда закрылась за нею дверь. «Душа походит на свет, который горит внутри фонаря. Чем душа яснее, чище, тем ярче она отражается в глазах, и, как свет фонаря, чем она сильнее, тем более светит окружающим», — можно сказать, продекламировал Абдул-Беха, ибо это были стихи.

— Что должен делать человек, который знает, что душа его загрязнена, и который хочет очиститься, но не может преодолеть себя, что он должен делать? — спросил Мирза Али Акбер.

— Кто не признает своей души скверной — тот погибший человек, для того ничто страдание и кровь брата, но тот, кто знает свое несовершенство, тот может достигнуть совершенства путем молитвы, пребывания в сфере святости и красоты, — ответил Абдул-Беха.

Так говорил ревностный последователь бехаизма Мирза Али Акбер с своим учителем, любовно и набожно глядя на старца и стараясь впитать в себя всякое его слово.

Накануне отъезда моего в Каир, вечером, зашли ко мне ханы и Мирза Али Акбер.

Старший хан говорил о благотворном действии для мира бехаизма, об удивительной личности Абдул-Беха. Он сказал: «Я был такой же кровопийца, как все; я слыхал, как муллы говорят: “Аллах, Аллах”, но Аллах был у них только на языке, я видел, что они не верят в него, а только красноречиво говорят о нем. Я сам был искусником в красноречии, но говорить красиво не значит еще быть правым.[7] Я искал успокаивающего душу слова, искал его везде, среди мулл, в софистической философии, среди дервишей, — везде находил несоответствие слова с делом. Один дервиш сказал мне: “Я знаю дервиша, который

удовлетворит вас, но он бехаид". У меня не было нетерпимости к чьим бы то ни было верованиям, и я познакомился с бехаидом, и я увидел, что человек этот точно осенен высшей Божественной силой, и его простые слова проникли мне в душу, и с первого же дня я стал бехаидом. Когда я прочел одну из книг Беха-Уллы, я решил поехать в Акку к Абдул-Беха, но я узнал, что он в Александрии, и вот как я здесь. Родные были против моего увлечения и поездки, и я уехал тайно от них. В погоню за мной отправился мой брат, чтобы удержать меня от "гибели", но тут и он понял истину и любовь, и он теперь разделяет мои взгляды». Тут младший хан покачал головой в подтверждение последних слов брата.

«Прочти нам что-нибудь из Беха-Уллы, — сказал старший хан, — хотя бы один стих». И младший брат, высокий, полный, как я уже сказала, лет 35 человек, послушно, как мальчик, отправился в свой номер за книгой и, вернувшись, вслух нараспев стал читать ее. Сначала Мирза Али Акбер переводил мне то, что он читал, а потом все так увлеклись чтением, что забыли о присутствии европейки, ничего не понимавшей из того, что с таким захватывающим интересом читалось. Но я смотрела со странным чувством на этих трех зрелых мужчин, которые при чтении Божественной книги находили такую радость, какую ощущает у нас только гимназист при первом выезде на бал. Мне приходилось видеть в оперетках и фарсах на дорогих местах скучающие лица, потухающие взгляды. Мне приходилось видеть сонных людей на представлениях Вагнера — на операх с участием Шаляпина, а тут поучение мудреца оживляло и бодрило этих сынов Востока.

«О, гордый, богатый, вы знайте:

"Богатство... богатство — ограда между желающим и желанным, меж влюбленной и влюбленным. Никогда богатый не приблизится к престолу святости и не войдет в город согласия и довольства.

Из них войдут в этот город только немногие. Итак, благо богатому, которого богатство не удаляет от святости вечной, не удаляет от вечного богатства. Клянусь своим величайшим именем, что свет такого богача озарит небожителей, как это солнце — жителей земли"».[8]

«О, богатые земли, бедные мои питомцы — я их поручаю вам, вечные богачи. Содержите их хорошо и не думайте только о вашем спокойствии...»[9] и т. д.

Он читал часа два, если не более, все более и более увлекаясь, весь во власти новой веры, как юноша во власти возлюбленной.

Раньше этого хан прочел мне стихи другого характера:

Запутан, как в цепях, в твоих я волосах,
Пленен их ароматом,
И мир я весь забыл, все звезды в небесах
И солнце пред закатом.

———

Так мысли все мои полны, полны тобой,
Что сна не знают очи...
Пришел теперь к тебе... пришел к тебе с мольбой,
Открой мне дверь средь ночи...

———

Хотя бы умер я, я все ж к тебе приду,
Как раб, как раб покорный.
Тебе поведаю, как Божьему суду,
Что мыслю ночью черной.

———

Коль пожелаешь ты — мне можешь сердце сжечь,
Мне радостны мученья!
Вели, что хочешь ты, вели мне мертвым лечь, —
Исполню повеленья...

———

— Чьи это стихи? Гафиза — кажется?

Но вопрос не получил ответа.

Я должна сказать, что всю эту первую неделю я чувствовала се<бя> так, как, наверно, чувствует себя пассажир на аэроплане. Хотя я написала две книги, в которых изображаются высочайшие сферы духа — представлены Божественные гонцы на земле, и эти подъемы к небесам должны были быть для меня обычны, тем не менее тут нервы мои были в необыкновенном напряжении. Когда я писала мои книги, я сама была наблюдатель, я имела возможность от времени до времени сделать спуск к гаражу,[10] я творила сама среду, — я не была сама предметом того воздействия, которое всегда живая среда производит на живого человека, кто бы он ни был. Когда я писала «Баба» и «Беха-Уллу», я взлетала на воображаемую мной высоту, а тут я должна была держаться в истинном воздухе — с риском упасть и разбиться. С этими искусными воздушными пловцами я витала над бездной зол и бед, и в то же время я должна была зорко изучать окружающее, ибо ведь для этого я приехала — я приехала проверить мою пьесу, а подобное изучение при подобном положении требует слишком большого напряжения сил и нервов. А силы мои были уже напряжены самой работой над колоссальным трудом, над моей трагедией («Беха-Улла»), над приготовлениями к отъезду, когда я должна была завершить другие труды ввиду ранее взятых мною обязательств. Так, перед отъездом, в две с половиной недели я написала статью «Мои первые шаги на литературном поприще», давно обещанную Ф. Ф. Фидлеру,[11] и перевела трагедию Сема Бенелли.*[12] Затем сам переезд, в котором было немало тревожных дней.

* в 4 действиях, в стихах, заказанной мне нашими знаменитыми артистами братьями Адельгейм. — *Примеч. И. Гриневской.*

Мое путешествие не было тем пикником, которое выпадает на долю баловней судьбы, беспечное и безмятежное. Великий дух или настроение среды — это те же стихии, стремящиеся бессознательно носителей их унести нас, поглотить, как море. Это стихии, с которыми бессознательно приходится бороться для сохранения вашей личности и нравственной свободы. Мы испытываем это в известной степени тоже бессознательно ежедневно в общении со всякими людьми; здесь же я испытывала это давление и эту борьбу в высшей степени, я ощущала то же, что и пароход под напором морского льда, что бедуин под влиянием горячего солнца и жгучих песков. Сами радости, которые я испытывала здесь при виде осуществления моих детских мечтаний — увлекали меня в объятия неведомого безвестного. И я даже страшилась их. И ночи мои были полны странных сновидений, в которых мне представлялся этот благостный, добрый и мудрый старец. После плохо проведенной ночи, я вставала для новых впечатлений, часто самых отрадных, а также и для труда, ибо записывание видимого отнимало много времени и требовало напряжения. Я хотела быть точной, и я думала, если мне придется написать это путешествие, то цель его слишком важна, чтобы ограничиваться общими фразами и легковесными замечаниями, а я должна быть по возможности ближе к истине.[13]

## *Глава XV*

Нас зовут к Абдул-Беха. — Напрасные тревоги моего спутника. — Абдул-Беха благословляет меня в путь в Каир и выражает уверенность, что я долго останусь в памяти людей. — Мои мысли о памяти людей. — Что мне говорил Абдул-Беха об отношении русского правительства к бабидам и о заступничестве русского царя за Беха-Уллу. — Мой спутник меня провожает к поезду, увлекающему меня в Каир. Дорога от Александрии до Каира. — Араб — мой визави в вагоне — читает книгу «L'art oratoire».[14] — Другие пассажиры-арабы. — Мой новый знакомый советует мне посмотреть процессию в память Гуссейна. Миссис Стенар отказывается меня сопровождать на эту процессию. — По дороге из гостиницы к миссис Стенар. — Ужин у школьного учителя-бехаида. — Мой новый друг Фоузи — 14-летний мальчик. — Старый город Каир. Двор и квартира учителя. — Письмена на стенах. — Ужин учителя.

В 10 часов утра, накануне моего отъезда, явился араб Хосров и объявил, что Абдул-Беха просит нас к себе.

Мирза Али Акбер встревожился.

— Это не к добру, сказал он, — я думаю, он хочет меня уже отпустить от себя. Вчера он что-то давал мне разные наставления для будущей моей поездки и сказал: «Царь любит больше не тех, которые

топчутся возле него и не дают ему проходу, а тех, которые вдали от него исполняют его веления и распространяют его славу».

Мы быстро направляемся по обычному пути к Абдул-Беха. Нас сейчас вводят к нему. Он опять ласково меня встречает, говорит, что имя мое не будет забыто, как имя Хурет... Вот что значит отдаться духовному...

— Не люди влекут идеи, а идеи увлекают людей, — сказала я на это, сама еще не совсем понимая сказанных слов, — я сказала их, чтобы что-нибудь сказать.

— Занимайтесь дальше тем, чем вы занимаетесь, — я буду молиться за вас.

— Пишите лишь о том, что важно, — добавил вождь, видимо, прощаясь со мной.

— Пребывание мое здесь, во всех отношениях, принесет мне пользу, и я буду счастлива, если я сумею описать все виденное и слышанное.

— Я буду молиться об этом.

Он отечески отпустил меня, похлопав меня по плечу, и сказал: «Познакомившись с вами, я стал вас еще более уважать. Я хотел видеть вас перед отъездом вашим в Каир, и теперь да сопутствует вам Бог».

Этим разговором кончилась первая треть моего пребывания в Египте, в среде потомков героев моих трагедий. Доброе отношение вождя бехаидов, одного из великих людей нашего времени, человека, озаренного Божественным духом, — это хорошая награда за труды. Оно означало одобрение его. А ведь я поехала на Восток, главным образом, для проверки его! Оно дало мне удовлетворение, которое поддерживало мой дух, как в свое время меня осчастливило письмо нашего мудреца Л. Н. Толстого и похвалы еще одного очень значительного политического деятеля, познакомившего Англию с моими сочинениями. Это Веселитский-Божидарович.[15]

Мирза Али Акбер провожает меня на вокзал и дает мне наставления не потеряться в большом городе, твердо помнить, где правая рука и где левая, которую я будто все путала.

Дорога в Каир. Поезд мчится по чуждой местности... Мне вспоминаются иллюстрации к описанию этих стран, которые я жадно рассматривала когда-то детскими глазами и к которым устремлялось детское воображение. В связи с воспоминаниями детства звучат стихи дорогого поэта, которые когда-то с восторгом читались наизусть: «В песчаных степях аравийской земли три гордые пальмы высоко росли» — звучат строфы Лермонтова,[16] когда промелькнет на фоне лазурного неба горизонта купа этих причудливых деревьев.

Тут только понимаю их назидательный смысл... И я, и те, которые садятся сейчас в вагон с какой-то станции, все эти жизнерадостные арабы, в длинных дорогих лабаде, с открытыми шеями и с тюрбанами

на головах — все мы люди, идущие навстречу жизни, — наша участь та же, что и трех пальм — стать простым материалом для мчащейся вперед, вечно разрушающей и вновь созидающей этой самой жизни. Я гляжу на несущиеся мимо, точно нарисованные акварелью, пейзажи, облитые горячим солнцем, на эти странные селения, состоящие из домов, построенных из ила, как бы из глины, с плоскими кровами домов, имеющих вид ряда поставленных друг на друга ящиков, которые мне знакомы только по картинкам. Вот подъезжаем к станции какого-то довольно значительного города. Еще издали виднеются минареты мечетей. Вот и пестрый восточный торг, такой, какой уж был мною описан в «Бабе»... В моей драме-поэме, среди гомона и крика базарной толпы, вдруг раздалось старое и вечно новое слово «любовь» из уст загадочного человека, почитаемого теперь пророком, и этот-то пророк, которого я не ведала, не знала, был причиной моего пребывания на Востоке, моей этой поездки...

С этой станции садятся в мое купе загорелые статные красивые люди. Были тут и в европейских платьях, только с фесками на голове. Один из них сел против меня и стал читать книгу. С любопытством гляжу украдкой на заглавный желтый лист. На нем большими буквами по-французски было написано: «L'art oratoire».

Арабы, пальмы, мечети... Аллах, сеиды, персы, бабиды, фески... и вдруг «Ораторское искусство», Париж — в поезде, несущем меня из Александрии в Каир.

Когда дама заинтересовывается соседом — ей нет надобности самой начать разговор. Если она этого хочет — он первый сделает шаг к знакомству. Так как я путешествовала по чужой стране, которую мне было полезно всесторонне узнать, — то, естественно, я была рада соседству человека, который читает «L'art oratoire». Кстати, перед отъездом на Восток я читала именно в Ораторском обществе о моем новом сочинении и где я собиралась еще прочесть о «чарах Речей», о которых у меня говорится в монологе Баба и в трагедии «Беха-Улла»... Поэтому, когда сосед спросил меня по-французски, не опустить ли штору у моего окна, чтобы солнце мне не слишком светило в глаза, — я приветливо его поблагодарила и точно с удивлением заметила: «Comment, vous parlez français?»[17] Затем я спросила, что он читает, хотя это уже мне было хорошо известно. Он мне показал книжку, заглавие которой я даже уже записала в мой блокнот. Мой визави оказался адвокатом суда.

Я стала его расспрашивать о стране и людях. Ведь ради этого только я и хотела познакомиться с читавшим желтую французскую книжку человеком. Между прочим, я спросила у него, что это за люди, которые вошли в вагон. Он объяснил мне, что это богатые землевладельцы... арабы.

Когда я вслух прочла название какой-то станции, арабы спросили что-то у моего знакомого. На мой вопрос, что они говорят, он отве-

тил: «Они спрашивают, кто я, знаю ли я по-арабски, потому что хорошо произношу арабское слово “Benhe”».[18] Завязалась беседа и с арабами при помощи французского адвоката. Я выразила сожаление, что европейская культура вытесняет красивые восточные наряды. «Она пока не коснулась головы», — заметила я, показывая на феску одетого по-европейски адвоката, «и это хорошо»... «И се́рдца», — прибавил адвокат.

Арабам понравилось это замечание и, уходя, <они> попрощались со мной очень любезно и подали руку. Адвокат ехал в Каир и советовал мне сегодня же отправиться в старый город посмотреть процессию в память мучений Гуссейна. «Это очень интересно будет для вас», — настаивал он и дал мне свою визитную карточку, предлагая себя в качестве гида. Однако я не воспользовалась его услугой и ни разу не вызывала его в течение шести дней, которые я провела в Каире. Я поступила, как настоящая коварная европеянка, но совет его я приняла и увидела зрелище, которого не забуду до конца моих дней. Я бы, конечно, не знала о нем, и мои друзья, каирские бехаиды, не подумали бы мне его показать. Ибо, когда я заявила возвратившейся из Рамлэ и встретившей меня на вокзале миссис Стенар, что я хочу посмотреть вечером процессию, она стала меня отговаривать от исполнения моего намерения, заметив: «Это не для вас».

С вокзала мы поехали в гостиницу, где для меня была уже нанята комната. В гостинице должен был ждать нас американец, женатый на персиянке, мистер Спрег[19] — весьма тоже интересный человек, ревностный бехаид. Но он не пришел, хотя мы его и ждали довольно долго. А я хотела познакомиться с ним, хотела просить его, чтобы он повел меня вечером на процессию, которую я непременно хотела видеть, а миссис Стенар отказалась мне сопутствовать. «Тут нужен мужчина, и не один, — заметила она, — иначе опасно». «Пойдем ко мне, быть может, мистер Спрег у меня», — добавила она.

Едем трамваем. Она мне что-то говорит, а я смотрю по сторонам, на пестроту необычной для меня картины, хотя часть города, где помещалась моя гостиница, имела почти европейский характер. Как раз насупротив меня красовался первый отель в Каире «Чеперд Отель»,[20] где останавливаются богачи Европы и Америки, и конечно, и всемирные искатели приключений — эти артисты, играющие на человеческом тщеславии и глупости, эти всесветные «гоголевские ревизоры»...

Отель этот является притягательным местом и для местных аферистов, гидов, продавцов всякой всячины, по которым и с помощью которых с веранды Отеля приезжие изучают Восток и нравы его обитателей.

— Я живу одна без прислуги, — сказала мне спутница, — когда я удивилась, что она сама все делает по хозяйству.

— Как одни, и вы не боитесь?

— Чего?

— Да так, всего, — ответила я. — Я до этой поездки никогда не была в Париже, где мне довелось быть лишь недавно, а Берлин я видела очень поверхностно, и я не знала, что одинокие дамы среднего достатка в Европе часто живут без прислуг и ничего не боятся.

Миссис Стенар посмотрела на меня своими пытливыми глазами и ничего не сказала, но, видно, этот вопрос, как и другие, казались ей странными со стороны автора двух серьезных книг. Житейская беспомощность, не удивляющая никого в России, где женщины воспитываются, даже малосостоятельные, как принцессы под надзором гувернанток и слуг, — все более и более удивляла привыкшую справляться с жизнью дочь янки.

Из центра города мы скоро очутились в прилегающих участках. Большие магазины сменялись лавчонками, возле которых восточные лентяи малого достатка, среди бела дня, играют в кости, в домино и в карты.

Вот и квартира миссис Стенар. Она состоит из нескольких комнат, из которых лишь одна отделана в восточном вкусе. По стенам развешаны реликвии, вывезенные из путешествия этой образованной дамой, посетившей разные страны. На стенах, рядом с изображениями Христа, и портреты Баба, Беха-Уллы и Абдул-Беха. Далее — Рескин.[21] Под ним какие-то две туфли, значение которых мне неизвестно.

Мистер Спрег не пришел. А так как я настаивала на желании видеть процессию, то решено было не возвращаться в город для обеда в ресторане, а поехать ужинать к учителю бехаидской школы, который, кстати, тут же и явился.

Я осталась довольна этой комбинацией. Ресторанные обеды всякого сорта мне достаточно знакомы, а ужин школьного учителя, еще мусульманского, и бехаида[22] к тому же, — интересно! Я даже не знаю — а было бы интересно знать, — что едят учителя и у нас. Уверена, что горшок учителя играет большую роль в судьбе ученика.

Учитель бехаидской школы, молодой человек, среднего роста и симпатичной внешности, — оказался сыном «потерпевшего бабида».

Мы идем к нему. Он говорит по-английски — кроме персидского языка — а я... увы! не знаю языка «ученых мореплавателей», но с нами идет также 14-летний мальчик Фоузи, племянник Абдул-Беха. Мать его находится в Хайфе, и здесь о нем заботится миссис Стенар. Она его уже воспитывает несколько лет. Фоузи говорит, к счастию, и по-французски и по-английски, и явился очень кстати драгоманом между нами. Фоузи — милый, довольно рослый и сильный мальчик, с круглым, симпатичным лицом, не чисто персидским. Такие лица встречаются и среди французов, итальянцев, поляков.

Из прилегающих к центру улиц переходим в старый Каир, представляющий особый мир и по внешности, и конечно, и по внутреннему составу жителей. Мы идем по узким улицам между старыми дома-

ми, над которыми пронеслось немало веков, наверно, почти не задев их. Обвеянные их крылом, дома эти приобрели только особую загадочную красоту. Быстро спустилась ночь над старым Каиром. Зажглись уже фонари, громадные фонари, образчики которых я видела только где-то в музее древних вещей.

Фонари эти висят низко, на цепях, чуть ли не над головами сидящих у лавок восточных людей, за ларями фруктов и зелени и просто на узких тротуарах. Боковой свет их падает и на идущих посредине улиц: на статные фигуры то в тюрбанах, то в фесках, то в арабских шалях, в длинных белых рубашках и хламидах[23] и белых арабских плахтах, спускающихся с головы по спине.

Вот мы входим в какой-то двор, по каким-то лестницам. Пахнет сыростью со двора и стен. Вот и комната учителя при школе. Не досмотрели лампу, и она изрядно накоптила. Исправляется эта маленькая житейская беда открытием окна. Вскоре при свете водворенного в пределы огня лампы я вижу на стенах портрет патрона школы Абдул-Беха в юности, группы бехаидов, географические карты, изречения Беха-Уллы, Магомета и персидского поэта: «O, mon Dieu, faites de moi un serviteur fidèle. Il faut être patient car les fatigués arrivent»[24] — переводит написанное Ф<о>узи. «Надо иметь терпение, ибо усталые приходят», — переводит он же далее по-французски.*[25]

Вот подали ужин. Мы, т. е. учитель, Ф<о>узи, я и еще двое уселись за длинный стол, бедно убранный, но чистой комнаты. Что ели? Макароны с мясным соусом и соусом из кореньев и какие-то котлеты из зелени. Пили? Воду чистую и холодную. Никаких водок не было. Ни водки, ни вина не пьют учителя мусульмане и бехаиды. Бехаиды напоены вином из Сальсабиля,[26] райским вином мудрости и Божественного слова (см. трагедию «Беха-Улла»). Оно стоит дешево и не требует особых сосудов, чтобы его сохранять. Оно хранится в уме и сердце.

После ужина меня попросили к женщинам. Тут была мать Учителя,[27] жена[28] и еще одна девица, богатая бехаидка из Александрии, которая присела предо мной по-европейски. Все одеты по-европейски, только с платками на голове, накинутыми несколько по-восточному. И тут женщины были мне рады, сказали, что я осветила их дом, целовали меня и выражали всякое внимание.

### *Глава XVI*

Иду на процессию шиитов в память мучений Гуссейна. — Толпа в ожидании процессии. — Квартира бехаида, из окон которого <так!> мы собираемся глядеть на процессию. — Кто хозяин этой квартиры. — Над-

---

* Вспоминаю мое стихотворение «Огоньки», в котором выражена та же идея. Оно было напечатано и внесено в мой сборник стихов задолго до того, что я прочла это изречение. — *Примеч. И. Гриневской.*

писи на ее стенах. — Портрет генерала Куропаткина[29] на стене квартиры бехаида. — Процессия. — Я возвращаюсь с процессии домой. — Бессонная ночь вследствие впечатлений от виденного.

После ужина мы тем же путем отправляемся в Каир. Вот мы опять проходим мимо дома токаря, где внизу в нижнем этаже помещается гробница святого. Над гробом горит свеча. Вот опять эти старые дома, хранящие в своих стенах тайны многих столетий, с окнами в решетках, как тюрьмы. Вот чудная мечеть с высоким минаретом, белеющим под луной, озаренная лентами фонарей. Улицы, не высохшие еще от последних дождей, теперь еще более полны народом. Сыны Востока, по нескольку и в одиночку мерными шагами сновавшие по улице, и живописные группы у лавочек белели и пестрели под гигантскими фонарями и в снопах их лучей. Все эти люди ждали для нас, европейцев, необычного зрелища. Шииты, живущие в Каире, праздновали память о днях мучений Гуссейна. Процессия готовилась в одном из домов этой улицы, принадлежавшем богатому шиите-персу. Она являлась и для всей этой наполнявшей улицу толпы одним только зрелищем, к которому многие из ее среды, без сомнения, относились даже враждебно, хотя и праздновавшие были одной с ними магометанской веры — лишь другого толка.

А нет худших врагов, чем люди одной надвое расколовшейся религии.

«Знай, для святого дела
Нет злейшего врага, чем враг,
Который из его же тела
Рожден, возрос...» —

говорится в трагедии «Беха-Улла».

Среди старших сновали дети.

Вот мы приближаемся к одному ярко освещенному дому, около которого толпится особенно много народу. У дома этого английские полицейские, просто плетками ударяя по чем<у> попало, разгоняют слишком любопытствующих. Получающие «предостережение» безропотно расходятся.

— Что здесь?

— Это дом шиита, который устраивает процессию. Она в этом году будет особенно торжественна. Он пожертвовал на нее нынче большую сумму, — объясняет учитель; Фоузи переводит.

Пройдя мимо дома, в приличном отдалении, вне сферы достижения английских плеток, я заглядываю вовнутрь его сквозь широко открытые двери и вижу там какие-то фигуры в белом.

— Что это такое?

— Это участвующие в процессии. Они настраивают себя к самоистязанию.

Меня ведут к дому бехаида; мимо этого дома пройдет процессия, и ее можно будет видеть в безопасности через открытое окно.

Вот лестница небольшого старого дома. Высокие ступени требуют гигантских ног. Я взбираюсь, как могу, при помощи трех провожатых: учителя, Фоузи и еще одного мальчика Ахмеда. Входим в узкую переднюю квартиры Хаджи Ниаз<а>, затем в узкую длинноватую комнату, все убранство которой состоит из узких низких диванов вдоль стен и из небольших столов по углам, покрытых вязаными салфетками. Хозяин, высокий, симпатичный старец, белый как лунь, с добродушной светлой улыбкой, в длинной серой лабадэ с красной феской, обернутой белым тюрбаном. После приветствий он показывает фотографии, развешанные по стенам. Конечно, Абдул-Беха в юности, группы бехаидов разных народностей, портреты разных знакомых христиан, а вот он сам, еще молодой человек... А вот... кто бы вы думали? Куропаткин. Оказывается, хозяин сопровождал когда-то русского генерала в Индию. А вот опять изречение из Беха-Уллы. Он меня спрашивает, как и все впервые видящие меня бехаиды, кто мне рассказал о Бабе. Я отвечаю ему — никто не рассказывал, я сама читала. «Это чудо», — заметил бехаид, пришедший к тому же заключению, что и малая Ауя. Для него чудо не только то, что выходит из пределов вероятия.

Нас угощают чаем в маленьких стаканчиках, и мы примащиваемся на подоконниках, чтобы видеть зрелище, как это делают у нас во время проездов иностранных гостей или в случаях погребения важных лиц, парадов и т. д.

Вспоминаю далекое прошлое из жизни в нашем отечестве. Вспоминаю о том, как мне пришлось глядеть из окна квартиры моих знакомых в Петербурге на иллюминацию в вечер дня коронации Николая II. Я видела, как толпа хулиганов и мальчишек, до 19-летнего, быть может, возраста, осаждала банкирскую контору Блока,[30] бросая с гиком в окна булыжники с мостовой, и как взвод казаков на нее налетал и рассеивал. Я отправилась к знакомым, жившим напротив, чтобы смотреть праздничную толпу, на иллюминацию — и увидела буйство. Я тут впервые поняла, что такое толпа, что такое темная толпа, вышедшая из пределов. Зрелище это потрясло меня и открыло мне бездны в истории народов, которые ранее мне представлялись совершенно в ином, розовом свете.

Вернемся к процессии в Каире.

Вот уже слышатся отдаленные удары вроде барабанного боя. Процессия уже началась, говорят, и приближается. Я насторожилась. Гляжу вниз. Толпа, наполнявшая середину улицы, расступилась по сторонам.

Я знала ранее о том, что мне придется видеть. О днях плача о Гуссейне — у меня говорится в «Беха-Улле» — уже с первого акта. В эти дни в Персии устраиваются представления, где изображается в лицах вся мистерия, все мучения, которым когда-то подвергался Гуссейн.

Зрители так проникаются зрелищем, что наполняют Текие (театр) или импровизированный шатер, раскидываемый во дворе для этой цели,[31] стонами и рыданиями. Мулла подходит с чашей к плачущим и собирает слезы в чашу. Слезы, пролитые в дни скорби об имаме, — считаются целебными. Мамед, по моей трагедии, домоуправитель Бе-ха-Уллы, — был, как я его изобразила, когда-то на родине любителем-актером, исполнявшим роль Гуссейна. Вот как он говорит найденному им у ворот своему разорителю и соотечественнику о времени, когда он, аптекарь по профессии, выступал в представлении:

Когда мучения Гуссейна
Я представлял, ты помнишь ли?
В дни Тезие[32] «Гуссейн, Али», —
Ты в Текие стонал. Казалось, два бассейна
Слезами, что из глаз твоих текли,
Наполнить было бы возможно,
Когда над головой моею поднял меч
Палач безбожный,
Казалось, что и печь,
Не так могла пылать огнем и жаром,
Как гневом ты пылал. Когда же в Текье старом
Мне голову отсек палач.
Поднял такой ты плач,
Что всех ты за собой увлек, и представленье
Остановили... Пришли все в умиленье
От слез твоих. Мулла тут с чашею тотчас
Поднес ее к твоим очам скорбящим,
Чтоб влагу всю собрать из льющих слезы глаз,
Потом ее поднес к другим глазам молящим.
Целебна всякая слеза,
Что проливается в дни скорби об имаме...

Я знала и о процессиях, которую я собиралась смотреть. Нам о них рассказывали еще в школе на уроках географии. Мне приходилось видеть и картинку истязующегося шиита, но все рассказы и изображения отступали перед действительностью, представшей предо мной во всем живописном ужасе.

Вот несколько рядов мальчиков, по 10 в ряд, в белом, несут высокие зажженные факелы. Пламя их, коптя, зловеще освещает путь и глазеющую толпу, среди которой много детей, взгромоздившихся на ларях. За мальчиками шествуют знаменщики с хоругвями... Впереди всех несутся в черных одеждах и черных фесках люди и с неистовыми жестами разгоняют уже посторонившуюся толпу. Они же поддерживают порядок в рядах. И факельщики и знаменщики идут под мерные выкрики, исходящие из десятков грудей: «Гуссейн Шахид». Безнадежным отчаяньем, страстной скорбью, мучительной жалобой звучит этот возглас.

А это что? Я вижу обнаженные затылки и спины. Два ряда статных сильных людей с голыми торсами движутся спинами вперед. Их белые и длинные рубашки закручены верхней частью у пояса и ниспадают до пят. Совершенно обнаженными мускулистыми руками, точно банными вениками, они ударяют себя пуками стальных прутьев с круглыми стальными наконечниками по обнаженным мускулистым смуглым спинам, наполняя воздух душераздирательными возгласами «Гуссейн Шахид». Вот один из них с таким неистовством стегает себя, так хлещет свою уже окровавленную спину, что к нему подбегает человек и начинает удерживать его... смирять его пыл. Самоистязатель вырывается из рук этого человека и вновь с воплем сильной рукой хлещет свою обнаженную побагровевшую спину, с которой стекают к поясу струи крови... Мне делается дурно, но я собираю все свои силы, заставляю себя смотреть, заставляю себя испить эту чашу до дна. Мне потом сказали, что за каждым из истязующихся идет надсмотрщик, на обязанности которого останавливать слишком увлекающихся в своем рвении верующих, желающих на самих себе испытать мучения, перенесенные некогда святым.

Вот звон оков... Вдоль улицы — по обеим сторонам шествия, боком п<p>одвигаются на одинаковом расстоянии друг от друга рослые люди в белом. Держа большие обнаженные мечи, мерно выкрикивая «Гуссейн Шахид», они ударяют себя острым концом меча по лбу обнаженной головы. Кровь струится по лицам и белым рубашкам этих людей, мнящих, что вместе с кровью, которую они проливают в память дней мучений имама, — они сливаются с ним самим.

— Вы видели, — сказал мне потом Фоузи, — что один нагнулся и ударил мечом и мальчика по лбу — это был его сын.

За этими истязующимися следовала громадная толпа. Как впереди нее, так и за ней шла английская стража, наготове защитить религиозное шествие от враждебных проявлений религиозных противников. Протесты суннитов в былые годы, как говорят, превращали шествия их собратьев-мусульман шиитского толка в кровавые побоища.

Вид этого страшного, адской красоты шествия — открыл мне многое в далеком прошлом и в переживаемом настоящем. Ничто не уничтожается в мире, все существует. В века далекой древности приносили человеческие жертвы богам. Что такое легенда об Аврааме Благочестивом? Праотец наш, желавший принесть в жертву Богу своего сына — заколол, по велению Всевышнего, подвернувшегося агнца. Более милостивый Бог уже отвергает человеческую кровь. Но былые века не исчезают, а просачиваются в грядущем, и требование человеческих жертв все еще существует в человечестве, и страстное желание принести себя в жертву горит и до сих пор пламенем в иных человеческих душах и когда-то молнией осветило весь мир с высоты Креста, на котором угасал за человечество Христос.

У меня изображена эта жажда избранных душ в лице Баба и Беха-Уллы, Атхара и Бедия. Бывает момент в жизни человечества, когда эта жажда эпидемически охватывает людские сердца. В наше время этим Богом добиблейского периода — языческим богом — является общество, государство, партия, «общее благо», наконец. Откуда — существующая мораль, требующая от одного принесение себя в жертву общему.

Бехаиды не признают самоистязания. Они смотрели на это зрелище как на нечто дикое. Гусейну, по их мнению, не нужна эта кровь естественная, он требует кровь сердца в виде любви к другим. Тем не менее каждый из них готов был бы пролить свою кровь, если бы это требовалось для дела воцарения мира на земле и если бы это повелел Абдул-Беха. Он, однако, запретил своим последователям подвергать себя опасности. А Беха-Улла повелел поддерживать тех, которые самоотверженно разносят свет. Я понимаю это повеление так:

Прекрасны те, которые жаждут приносить себя в жертву, но никто не должен принимать их (жертвы. — *Е. М.*), подобно идолу бесчувственному, безучастно.

«И сквозь страданья брата
Ты света в мир не рассылай...» —

сказано в трагедии «Беха-Улла».

Вот ученый, поэт, пожертвовавший своей жизнью служению людям... а вот люди, которые принимают эти жертвы, услаждая свою жизнь кровью гениев, забывая о них, топча их сердца. Сердцами великих людей устлана дорога принимающих жертвы. О, я поняла крик философа против спокойно упитывающихся кровью жертв. «Небо шлет земле свет, а она шлет пыль ему».* Надо, чтобы человечество вернуло гениям, жертвующим своими жизнями, тоже свет и жизнь, а не камни и смерть...

С этими и другими мыслями я вернулась с моими спутниками по утихшим и опустелым уже улицам домой. Уже во мгле тонули все эти ряды домов и возвышающиеся порой между ними мечети. Одна луна, глядевшая с высоты на совершавшееся, освещала дома и здания старого Каира. То там, то тут изредка мерцал огонек свечи, пробивавшийся сквозь окна у могилы какого-нибудь святого.

Я шла почти безмолвно. Разбитая и усталая, вернулась я домой. Но не могла, несмотря на усталость, лечь и заснуть. Я уселась на диван и, опершись о стол, погрузилась в раздумья. Я сидела одна так в целом мире, в этом чуждом городе — пока не забрезжило бледное утро. Тогда только я легла в постель и заснула тяжелым сном.[33]

* Из трагедии «Беха-Улла». — *Примеч. И. Гриневской.*

[1] В абреже, помещенном в начале очерка, эта тема выражена так: «Почему мы не могли надолго отлучаться из отеля» (подчеркнуто нами. — *Е. М.*).

[2] *Чечунчовый* (устар.) — чесучовый (чесуча — плотная шелковая ткань полотняного переплетения желтовато-песочного цвета).

[3] *Ридикюль* (*фр.* ridicule от *лат.* reticulum — сеточка) — ручная дамская сумочка.

[4] Местоположение для будущего храма определил Бахаулла (1891); гробницу построили под руководством Абдул-Баха; останки Баба похоронили 21 марта 1909 г. «После мученической кончины Баба Его останки вместе с останками Его преданного друга бросили на край рва за стенами города. На вторую ночь несколько баби отыскали их и на протяжении многих лет скрывали в тайниках в Персии, а затем, с величайшей опасностью и трудностями, их перевезли на Святую Землю. Теперь они похоронены в гробнице на живописном склоне горы Кармель, неподалеку от пещеры Илии, всего в нескольких километрах от того места, где Бахаулла провел Свои последние годы и где теперь покоятся Его останки» (цит. по: *Эсслемонт Дж. Э.* Бахаулла и Новая Эра. М.: Единение, 2008. С. 57). «Когда все было закончено и земные останки Пророка-Мученика из Шираза бережно поместили на вечный покой в самое сердце святой горы Божией, Абдул-Баха, сняв с Себя тюрбан и обувь, сбросив пальто, низко склонился над все еще открытым саркофагом — Его серебряные волосы развевались вокруг Его головы, Его лицо казалось преображенным и просветленным, — коснулся лбом края деревянного гроба и заплакал навзрыд, и таковы были Его рыдания, что все, находившиеся там вместе с Ним, тоже зарыдали. В эту ночь Он не мог уснуть, настолько сильны были охватившие Его чувства» (цит. по: Усыпальница Баба // Посещение Святых Мест Бахаи / пер. с англ. Хайфа: Всемирный Центр Бахаи, 2007. С. 4). Святилище над гробницей (ныне объект Всемирного наследия ЮНЕСКО) возвели под руководством Шоги Эффенди в 1949—1953 гг.

[5] Ср.: «Однако сколь бы ни было высоко положение Абдул-Баха, сколь бы ни были обильны хвалы, расточаемые Бахауллой Сыну в Его священных Книгах и Скрижалях, все эти превосходные отличия не следует считать основанием для того, чтобы приписывать Абдул-Баха статус, равный или подобный Положению Его Отца, Который был Самим Богоявлением. <...> Абдул-Баха не Богоявление; Его свет, Его вдохновение и сила исходят непосредственно из Источника Откровения Бахаи; в Нем, как в ясном и совершенном Зеркале, отражается лучезарная слава Бахауллы; Абдул-Баха не является воплощением той необъяснимой и в то же время всеобъемлющей сущности, которая отличает только Пророков; Его слова уступают по весомости Слову Бахауллы, хотя имеют такую же значимость <...> все эти истины находят дополнительное подтверждение и еще раз подчеркиваются в следующем высказывании Абдул-Баха <...>: “<...> то, что подразумевается в пророчествах под “Господом Сил” и “Обетованным Христом”, есть Благословенное Совершенство [Бахаулла] и Его Святость Возвышенный [Баб]. <...> Быть рабом Благословенного Совершенства — мой славный и сияющий венец, а служение всему роду человеческому — моя вечная религия...”» (цит. по: *Шоги Эффенди*. Законоцарствие Бахауллы. СПб.: Единение, 2004. С. 57, 60—61).

[6] Всемирный конгресс рас, собравший около 3000 человек, состоялся в Лондоне в июле 1911 г.

[7] Подчеркнуто И. Гриневской.

[8] Ср.: «О вы, возгордившиеся тленными богатствами! Знайте воистину, что богатство есть крепкая препона между ищущим и предметом его желания, между любящим и его возлюбленной. Богатые, за исключением немногих, никогда не достигнут двора Его присутствия и не войдут в град довольствия и покорности. Благо тому, кто, пребывая в богатстве, не отвращен богатством своим от вечного

царства и не отделен им от нетленного владения. Величайшим Именем клянусь! Сияние, исходящее от сего богатого человека, озарит обитателей небес, подобно тому как солнце освещает живущих на земле!» (*Бахаулла*. Сокровенные Слова. М., 2014. С. 57).

[9] Ср.: «О богатые сей земли! Бедные, что живут средь вас, — на Моем попечении; оберегайте находящихся на попечении Моем и не стремитесь лишь к собственному довольству» (Там же. С. 58). «О богатые люди земли! Не избегайте взора бедняка, распростертого во прахе, — напротив, придите к нему на помощь, и пусть он поведает вам об испытаниях, кои претерпел по неисповедимому Велению Божиему. <...> Когда вы будете общаться с ним, Горний Сонм воззрит на вас, заступится за вас, превознесет имена ваши и прославит ваше деяние» (*Бахаулла*. Крупицы из Писаний. М., 2009. С. 210).

[10] *Гараж* (*фр.* garage) — первое значение этого слова было «причал», «пристань» (от «gare» — «швартоваться», «причаливать»); от судоводителей термин перешел к шоферам; они начали называть «гаражами» сараи, куда убираются автомашины. В русском языке слово появилось в начале 1900-х гг., в словаре встречается с 1911 г.

[11] См.: Изабелла Аркадьевна Гриневская // *Фидлер Ф. Ф.* Первые литературные шаги: автобиографии современных русских писателей. М.: тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911. С. 243—264.

[12] См.: *Бенелли Сем.* Ужин шуток = La cena delle beffe: драматическая поэма в 4 актах / пер. с итал. И. Гриневской, В. Нардуччи // *Бенелли Сем.* Драматические поэмы. Рваный плащ. Ужин шуток / вступ. статья А. Амфитеатрова, А. Луначарского. Пб.; М.: Гос. изд-во, 1923. С. 145—248.

[13] Разрядка И. Гриневской.

[14] «*L'art oratoire*» — «Ораторское искусство» (*фр.*).

[15] *Веселитский-Божидарович Гавриил Сергеевич* (псевд. Аргус; 1841—1930) — офицер, журналист, публицист, общественный деятель. Служил в гвардии и в Министерстве иностранных дел. В 1870-х гг. писал в «Московских ведомостях», «Голосе» и «Русском мире»; с 1882 г. состоял лондонским корреспондентом «Нового времени». Отдельно издал сочинения: «Die Judenfragre in Russland», «The Problem of Asia», «The Russian problem», «Anglo-Russian relations» и др. Веселитский-Божидарович прочел в Лондоне лекцию о пьесе И. Гриневской «Баб» (см.: *Митник Е. А.* Неизвестные материалы Изабеллы Гриневской: «Путешествие в Края Солнца» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 247—248).

[16] *Лермонтов М. Ю.* Три пальмы («В песчаных степях аравийской земли...», 1839).

[17] «*Comment, vous parlez français?*» — «Как, Вы говорите по-французски?» (*фр.*)

[18] *Benhe* — возможно, имеется в виду станция Banha (Банха, Бенха), город в Нижнем Египте.

[19] Вероятно, *Спрейг Сидней Робинзон* (Sprague Sydney Robinson; 1876—1943) — американский бахаи, воспитатель (педагог). Во время обучения в парижском университете Сорбонна он стал бахаи. В 1904—1905 гг. совершил поездку с Ипполитом Дрейфусом в Индию и Бирму. В 1909—1910 гг. был директором школы бахаи в Тегеране. В 1910 г. женился на *Фарахангиз-ханум* (Farahangize Khánum; 1891—1967), племяннице Абдул-Баха. *Дрейфус Барни Ипполит* (Dreufus/Dreyfus Barney Hippolyte; 1873—1928) — первый французский бахаи; Шоги Эффенди назвал его одним из 19 учеников Абдул-Баха. В архиве писательницы хранится ее переписка с Дрейфусом Барни: *Гриневская И. А.* Письма (6) Дрейфусу Барни (Dreyfus Barney), <редактору> // РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 48 (б. д.); *Дрейфус Х. Барни.*

Письма (6) из Парижа, на фр. яз. Гриневской И. А. // Там же, ед. хр. 553 (8 окт. 1910 — 28 сент. 1911; б. д.); см. также: *Дрейфус-Кардуа Инес*. Письмо из Парижа, на фр. яз. // Там же, ед. хр. 554 (б. д.). *Дрейфус Кардозо Инес Софи Мария Леа* (Dreyfus Cardozo Ines Sophie Maria Léa; 1848—1913) — мать Ипполита Дрейфуса.

[20] Видимо, отель «Shepheard» («Шепард», 1841).

[21] Вероятно, *Раскин (Ruskin) Джон* (1819—1900) — английский теоретик искусства, художественный критик, историк, публицист.

[22] «То, что процесс всеобщего признания самостоятельного статуса Веры Бахаи происходит довольно медленно, отчасти обусловлено неправильным восприятием ее со стороны первых исследователей этой религии. В ранних упоминаниях о Вере Бахаи она рассматривалась главным образом с точки зрения той религиозной и культурной среды, в которой зародилась, и поэтому ее называли сектой, или реформаторским движением Ислама» (*Гатинье Джек Мак-Лин.* Введение // *Шефер Удо*. Вера Бахаи: секта или религия? СПб.: Единение, 2003. С. 7).

[23] *Хламида* — здесь: накидка, плащ.

[24] «*O, mon Dieu, faites de moi un serviteur fidèle. Il faut être patient car les fatigués arrivent*». — Букв. перевод: «О мой Бог, сделай из меня верного слугу. Нужно быть терпеливым, ибо усталые приходят» (*фр.*).

[25] «Сквозь мглу далекого тумана / Мерцают тихо огоньки / И жертвам горя и обмана / Сулят забвенье от тоски. / Кто к ним дорогою тернистой / Усталый еле добредет, / Тот верный там покой найдет, / И сам беззвездной ночью мглистой, / В тумане трепетном, немом / Засветит тихим огоньком». (Это стихотворение вошло в книги И. Гриневской: Огоньки: рассказы, стихотворения и пьесы. СПб., 1900; Стихотворения. СПб., 1904.)

[26] «Салсабил: дословно “плавно текущий” — источник в Раю» (Словарь // *Бахаулла*. Китаб-и-Иган. Книга Несомненности. СПб., 2000. С. 211).

[27] *Асийа-ханум (Навваб)* (Ásíyih Khánum, Navváb; 1820—1886) — жена Бахауллы, мать Абдул-Баха.

[28] *Мунира-ханум* (Munírih Khánum; 1847—1938) — жена Абдул-Баха.

[29] *Куропаткин Алексей Николаевич* (1848—1925) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии. В 1890 г. был произведен в генерал-лейтенанты с назначением начальником и командующим войсками Закаспийской области; за время его управления (1890—1897) в области стали развиваться торговля, промышленность, земледелие, появились города и селения. («Он был отличным хозяйственником, край при нем расцвел. Люди видели, что он и дома строит, и дорогу железную продолжает, и сады разводит; бахаи не трогает и даже поощряет их уклад жизни...» — из нашей переписки с *Ольгой Кудратовной Мехтиевой*, исследователем истории Ашхабада и его общины бахаи.) Военный министр (1898—1904); главнокомандующий русской армией на Дальнем Востоке в период Русско-японской войны, после проигрыша Мукденского сражения в марте 1905 г. смещен с этого поста. Осенью 1915 г. назначен командиром гренадерского корпуса, а позднее — главнокомандующим армиями Северного фронта. В июле 1916 г. стал туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского военного округа.

В 80-х годах XIX в. Хаджи Мирза Мухаммад Таки, двоюродный брат Баба, приехал в Ашхабад, чтобы строить первый Машрик ал-азкар (с *араб.* «Место восхода хвалы Богу»; *англ.* «House of worship» — «Дом поклонения»). «Проект был подготовлен совместными усилиями иранских архитекторов-бахаи. Технические чертежи для строителей составил российский военный архитектор М. А. Волков. Однако само возведение храма началось лишь в 1902 г. На церемонии закладки первого камня, фотографии которой сохранились, присутствовал начальник Закаспийской области Д. И. Субботич. (См. подробнее: *Мехтиева О. К.* 1) Из исто-

рии общины бахаи в России и СССР: воспоминания очевидцев // Письменные памятники Востока. 2012. 1 (16). С. 174—187; 2) Монарх и узник. М., 2014. С. 68—80; *Иоаннесян Ю. А.* Вера бахаи. СПб., 2009. С. 124—126. В последнюю монографию вкралась неточность — присутствующим на закладке первого камня храма назван сменившийся к тому времени начальник Области А. Н. Куропаткин. <...>) В 1907 г. был воздвигнут купол храма, но и в последующие 14 лет с перерывами строительство храма продолжалось. Он был окончательно достроен к 1921 г. (Поскольку храм строился с перерывами, то определение года завершения строительных работ зависит и от того, какой этап постройки считать "окончательным". Видимо, этим обстоятельством объясняется некоторый разнобой в литературе в датировке данного события. <...> О. К. Мехтиева считает, что за таковую дату следует принять 1921 г. Конфискованный в 30-х годах XX в., частично пострадавший от землетрясения в 1948 г., храм был снесен в 1963 г.)» (цит. по: *Иоаннесян Ю. А.* Бахаи в Российской империи: первая организованная община за пределами Ирана // Страны и народы Востока / Ин-т вост. рукописей РАН. М.: Наука — Вост. лит., 2015. Вып. XXXVI: Религии на Востоке. С. 80—81).

А вот что пишет О. К. Мехтиева, дедушка которой прибыл из Йезда с группой баби: «На мониторе моего лаптопа десятки бесценных архивных фотографий. Многие из них собирал германский бахаи Фариборз Каземзаде, потомок первых переселенцев в Ашхабад. Рассказывая о своих корнях, он повествовал о первых делах бахаи на ашхабадской земле, о том, что "хаджи мирза сиййид Хасан, брат жены Баба <...> после того как в 1881—1882 гг. побывал в Акке у Бахауллы <...> передал своему сыну в Йезде сиййиду Ахмаду-афнану желание Главы Веры <...> купить землю в Ашхабаде. Тот нашел ответственное лицо, своего земляка хаджи Мухаммада Казем Исфахани <...> который помог осуществить намеченное важное дело. Покупку совершил его брат из иранского города Кучан хаджи Абдул Хусейн..." <...>. Так во владении общины бахаи появилась земля в Туркестане — окраине Российской империи, в новом городе, основанном русскими солдатами на месте старинного туркменского поселения» (цит. по: *Мехтиева О. К.* Из истории общины бахаи в России и СССР: воспоминания очевидцев. С. 176).

«В Иране их преследовали власти, и они покидали родину, свои дома в Йезде и других городах, они шли в одиночку и группами, ехали на арбах по дороге, которую проложил в своих мыслях Бахаулла <...> Кучанская дорога через таможню Баджгиран в Ашхабад означала избавление от террора и насилия, надежду на новую счастливую жизнь. <...> Переселенцы-бахаи в Ашхабаде впервые почувствовали себя защищенными. <...> Я вижу на архивном фото среди рабочих, заснятых при закладке первого камня храма, и начальника Закаспийской области. Но кто он, представитель русского царя? А. Н. Куропаткин, как это сообщается в некоторых исторических сочинениях? Да, тот, действительно, был начальником отряда в Ахалтекинской экспедиции, сражался вместе с генералом М. Скобелевым (*Скобелев Михаил Дмитриевич* (1843—1882). — *Е. М.*) против защитников крепости Геок-Тепе». (По словам О. К. Мехтиевой, «Куропаткин особо не проявил себя в военном деле. Скобелев ему говорил: будь на вторых ролях, больше пригодишься».) «Его имя дали главному проспекту нового русского города Асхабада (Куропаткинский проспект. — *Е. М.*). Но с 1898 по 1904 год, в том числе в интересующее нас время, он уже был военным министром России. Внимательно просматривая фотокопии номеров газеты "Закаспийское обозрение", узнаю, что в 1902 году командовал Вторым Туркестанским армейским корпусом и был начальником Закаспийской области *Деан Иванович Суботич* (1852—1920. — *Е. М.*). Ищу портретное сходство, сравнивая с теми, кто был в разное время на этом посту. Читаю воспоминания писателя Василия Яна (Янчевецкого) о внешности начальника Закаспий-

ской области, к канцелярии которого в то самое время он был прикомандирован. И только тогда полностью уверяюсь, что на снимке с “бахаинцами” запечатлен Деан Иванович Суботич. <...> все детали дела прояснила и расставила по местам заметка из газеты “Асхабад” за 29 ноября 1902 года, которая гласила, что “вчера в присутствии бывшего начальника Закаспийской области генерал-лейтенанта Д. И. Суботича состоялось торжество закладки Молитвенного Дома бабистов. Прежде всего, были прочитаны на русском и персидском языках записки с текстом, относящимся к данному событию, и положены таковые в фундамент. Затем один из бабистов громко прочел составленную на персидском записку, в которой указаны были несколько выдающихся случаев поддержки, оказанных Россией... Генерал-лейтенант Д. И. Суботич поздравил присутствующих со столь знаменательным для каждого из них событием, пожелал успешного окончания постройки и попросил главных руководителей выслать ему фотографический снимок, когда здание будет построено. <...> Здание строится фундаментальное и обещает быть очень красивым”. <...> Люди <...> сумели построить свой прекрасный храм, первый в мире Машрик ал-Азкар. <...> В Ашхабаде тридцатых годов было уже более 4 тысяч бахаи, когда в других странах мира было всего лишь с сотню представителей новой религии. <...> Роскошные резные двери Машрик ал-Азкара были открыты всем, независимо от цвета кожи и вероисповедания, ведь, как говорил Бахаулла, “все мы — плоды одного древа...”» (цит. по: *Мехти Ольга*. История Ашхабадского храма бахаи. URL: https://bahai-library.com/ОльгаМехти/_История_Ашхабадского_храма (дата обращения: 13.03.2021)).

[30] *Блокк Генрих Генрихович* (Блок Андрей Андреевич; 1861—1906) — петербургский банкир. Банкирский дом «Генрих Блокк» был хорошо известен в дореволюционной России, его владелец пользовался большой популярностью среди деловой публики, будучи главным лицом на Петербургской бирже по продаже выигрышных билетов (облигаций внутренних займов). Империя Блокка в основном специализировалась на работе с провинциальными клиентами. Он принадлежал к типу «невского банкира», как тогда было принято называть в бульварной прессе хозяев банкирских заведений, «стригущих клиентов» и создающих свое состояние на их разорении.

[31] «К началу мухррама в шиитских городах исламского мира сооружались такйе. В русскоязычной литературе это слово до сих пор фигурировало, имея несколько измененный звуко-буквенный ряд, и писалось <...> “текие или текье”. Такйе — это большие шатры, круглой или квадратной формы с помостом внутри» (цит. по: *Талыбзаде Айдын*. Театр и театральность в культуре ислама: поэтика форм проявления театра в средневековых странах Ближнего и Среднего Востока (X—XVI вв.). Баку, 2005. С. 121).

[32] *Тезие* — та’зие, персидский мистериальный театр, получивший к концу XVIII в. законченную драматическую форму. Сюжетами та’зие служили трагические события в Кербеле, гибель мучеников за веру Хусейна (Гуссейна) и Хасана, а также другие истории из жизни шиитских святых.

[33] Продолжение следует.

## Библиографический список


1. *Бахаулла*. Китаб-и-Иган: Книга Несомненности. СПб.: Единение, 2000.
2. *Бахаулла*. Крупицы из Писаний. М.: ЦРО «Община последователей Веры Бахаи в России», 2009.
3. *Бахаулла*. Сокровенные Слова. М.: Новелла, 2014.

4. *Бенелли Сем.* Ужин шуток = La cena delle beffe: драматическая поэма в 4 актах / пер. с итал. И. Гриневской, В. Нардуччи // *Бенелли Сем.* Драматические поэмы. Рваный плащ. Ужин шуток / вступ. статья А. Амфитеатрова, А. Луначарского. Пб.; М.: Гос. изд-во, 1923.
5. Изабелла Аркадьевна Гриневская // *Фидлер Ф. Ф.* Первые литературные шаги: автобиографии современных русских писателей. М.: тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911.
6. *Иоаннесян Ю. А.* Бахаи в Российской империи: первая организованная община за пределами Ирана // Страны и народы Востока / Ин-т вост. рукописей РАН. М.: Наука — Вост. лит., 2015. Вып. XXXVI: Религии на Востоке.
7. *Иоаннесян Ю. А.* Вера бахаи. СПб.: Азбука-Классика; Петербургское востоковедение, 2009.
8. *Мехти О.* Монарх и узник крепости Акко. М.: Продюсерский центр Александра Гриценко [и др.], 2014.
9. *Мехтиева О. К.* Из истории общины бахаи в России и СССР: воспоминания очевидцев // Письменные памятники Востока / Ин-т вост. рукописей РАН. 2012. 1 (16).
10. *Митник Е. А.* Неизвестные материалы Изабеллы Гриневской: «Путешествие в Края Солнца» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009.
11. Переписка Ю. Веселовского с И. Гриневской / публ. С. Ахумяна // Литературные связи: исследования и материалы. Ереван: ЕГУ, 1973. Т. 1: Русско-армянские литературные связи.
12. Раскрывая наше духовное предназначение... СПб.: Единение, 2002.
13. Россия. Запад. Восток: культурные связи: документы и материалы из собраний Пушкинского Дома: альбом. СПб.: Нестор-История, 2018.
14. Усыпальница Баба // Посещение Святых Мест Бахаи / пер. с англ. Хайфа: Всемирный Центр Бахаи, 2007.
15. *Чач Е. А.* Ориентализм в общественном и художественном сознании Серебряного века: автореф. дис. ... канд. ист. наук / СПбГУ. СПб., 2012.
16. *Шефер Удо.* Вера Бахаи: секта или религия? СПб.: Единение, 2003.
17. *Шоги Эффенди.* Законоцарствие Бахауллы. СПб.: Единение, 2004.
18. *Эсслемонт Дж. Э.* Бахаулла и Новая Эра. М.: Единение, 2008.
19. *Jasion Jan Teofil.* 'Abdu'l-Bahá in the West: A Biographical Guide of the People Associated with His Travels. Paris: Librairie Bahá'íe, 2012.